

«Мне нравится быть просто женой художника»

Новые известия - 2006 - 11 янв. - 45.

Окончание. Начало на стр. 1

ИТАР-ТАСС. БОРИС НАВАШИН

СПРАВКА

Белла АХМАДУЛИНА – один из крупнейших русских лирических поэтов второй половины XX века. Родилась 10 апреля 1937 года в Москве. Писать стихи начала в школьные годы. Ее первая публикация появилась в 1955 году в журнале «Октябрь». В 1960 году закончила Литературный институт. Первый сборник стихов «Струна» издала в 1962 году. В 1964 году снялась в роли журналистки в фильме «Живет такой парень» (режиссер Василий Шукшин). В 1979 году приняла участие в легендарном самиздатском альманахе «Метрополь» с повестью «Много собак и собака». Сейчас на ее счету более 10 поэтических сборников. Перу Ахмадулиной также принадлежат многочисленные переводы грузинской поэзии, повести и рассказы, воспоминания о поэтах-современниках, эссе. Лауреат Государственной премии СССР, премии «Триумф», Государственной премии России и многих зарубежных литературных премий. Награждена орденами Дружбы народов и «За заслуги перед отечеством» III степени.

принесла с собой потоки дождя. У вас часто были такие разочарования?

– Разочарования? Нет. Я просто всегда общалась только с дружественными людьми. Там, наверное, и какие-то другие живут. Но они и не искали со мной знакомства. Зачем я им нужна? Но знаете, самое смешное, что «Сказку о дожде», как и некоторые другие мои вещи, в Москве не печатали. А в Грузии печатали. За это им попадало. Про «Сказку о дожде» им заявили, что это пародия на встречу Хрущева с интеллигенцией, с художниками.

– А вы такой смысл не собирались вкладывать?

– Нет, конечно! Это просто условный образ пошляков: «О пошлость, ты не подлость, ты лишь уют ума». И был в этой сказке образ дождя, страшно трогательный для меня до сих пор. Эта беззащитность – и человеческая, и звериная, и природы – она так ранит, так терзает.

– Борис Пастернак когда-то сказал: «Нас мало. Нас, может быть, трое». Андрей Вознесенский, обращаясь к вам, перефразировал его: «Нас много. Нас, может быть, четверо». Сейчас вы чувствуете, что «нас много», что вокруг вас много друзей?

– Я вообще очень высоко ценю чувство дружбы и очень им дорожу. Но меняется время, меняются люди. Даже география нас разделяет. Раньше было абсолютное братство. Но потерял Булат Окуджаву. И любовь, печаль всегда со мной – как будто он где-то здесь. А Булата нет со мной... Мы с друзьями по-прежнему собираемся, только круг несколько изменился. Дружу с Евгением Поповым, с Васей Аксеновым, с Владимиром Войновичем. Вот это мои самые близкие товарищи. Еще очень дружу, конечно, с Андреем Битовым. Он мой

ближайший друг. Но по поводу того, что «нас много»... У меня есть посвящение Андрею, которое кончается так: «Беда лишь в том, что всяк из нас один: и я, и Битов. Кстати, Битов, где ты?» И вот сегодня где он? А я знаю где. Он мне позвонил и сказал, что не может вылететь из Еревана из-за какой-то дурной погоды. И еще я всегда восхищаюсь его изумительным умом, его талантом, необыкновенной пронизательностью в его любви к Пушкину.

– Общий интерес к Пушкину вас, наверное, особенно объединяет с Битовым?

– О, да... Знаете, я вот читаю на вечерах кусок из «Поэмы о Пушкине» и должна все время объяснять, почему никакой поэмы не было. Дело в том, что Пушкин в одесской ссылке увлекся Каролиной Собаньской. Известны были черновики его писем к ней, писанных по-французски. А потом сотрудники музея Пушкина нашли одно письмо самой Собаньской. Но не к Пушкину. Она то ли не обратила на него внимания, то ли не отвечала ему взаимностью. Так что письмо было к начальнику Третьего отделения Бенкендорфу... Я подумала: вот сначала прочитаю письма Пушкина и попробую «перевести» на свой поэтический язык (там много зачеркнутых слов), а потом так же «переведу» письмо Каролины Собаньской к Бенкендорфу. Но дело в том, что, хотя в том письме ничего такого особенного нет, все равно тень на нее могла упасть. А я как-то не имею права ее порочить. Потому что ее и так упрекали в польских связях – она оправдывалась, называла Бенкендорфу чьи-то имена. Но имена эти могли быть известны. Словом, не мне их всех винить, не мне их судить. И я не стала больше думать об этом письме. Поэтому поэмы не получилось, а получилось два совсем маленьких отрывка из несуществующего сочинения.

Там был очень скромный Дом творчества, которого сейчас нет. Подчеркиваю, что скромный, потому что те, кто ищет более шикарных и льготных условий, – они там не жили. Это была милость Художественного фонда, который предоставлял художникам по два месяца в разное время года для рисования на природе. И там я оглянулась: снег блестит, конь белый. Мальчик его звали. И как-то жизнь во мне зашевелилась. Хотя там было много печального: разрушенные церкви – руины без креста. Сейчас они восстановлены. Церкви действуют, службы идут, прихожан достаточно. Так что вид, может быть, сейчас более утешительный. Но вот запомнился тот ранящий и трогательный вид: бедная степь, печальные, одинокие старушки. Как я писала, «...склад неимущества – храм без креста. Знаю я, знаю, как это зовется». То есть возникло чувство родины и народного бедствия... Все это было очень печально, но и утешительно, потому что я скоро подружилась с художниками. Они рисуют – я пишу. Они показывают – я читаю. Какое-то идиллическое существование, несмотря на все невзгоды вокруг. Однажды рано утром я вышла на холод над Окой и вдруг увидела, что день такой ободрающий, такой утешительный, как будто его писал Рафаэль. И стихотворение мое называется «День-Рафаэль».

– Вы столько лет отдыхаете в Тарусе, вас там, наверное, знают все местные?

– Да, и они меня, и я их всех знаю. Мне всегда нравились так называемые простые люди. И деревенские, и городские. У меня, например, есть проза о вологодской деревне – памяти одной старой-старой крестьянки.

Перед выступлениями врачи иногда хотят меня чуть-чуть подправить. Эти врачи и санитарки пока что-то там подготавливают, все время беседуют, поэтому я все про них знаю. Например, что они приезжают из города Кимры, потому что там совсем нет работы. Я о них написала, это напечатали. И они теперь всем показывают текст. Мол, они «воспеты, воспеты!». У одной из них есть кошка, которую от рождения зовут Феня, она очень любит сидеть на табуретке, и хозяйка зовет ее Табуреткина. И даже эта кошка «воспета»! Они очень это любят. Делятся со мной всем, рассказывают о себе очень просто. И я их люблю. У меня много таких персонажей.

– За эти годы для «простых людей» из провинции жизнь изменилась?

– Конечно, жизнь стала легче. Появились совсем другие дома. Теперь в Тарусе есть магазины, рынок. Когда я первый раз туда попала, этого ничего не было. Отрадой тарусских жителей была пивная, которая называлась «Метро» – тоже мною воспетая: «Пивная есть у нас. Ее зовут «Метро». Понятно, не за шик – за то, что подземелье». Это был центр тарусской жизни, и мне были отнюдь не чужды те люди, которые там проводили время. Музей Цветаевой в Тарусе в последнее время как-то улучшил свое положение. А ведь там подлинный дом, который был построен для Ивана Владимировича Цветаева. Маленький такой – там и его кабинет, и комнаты для двух девочек Муси и Аси – Марины Ивановны и Анастасии Ивановны.

– У вас когда-то была чудесная «Сказка о дожде» – о том, что дружба иногда оборачивается лицемерием. Хозяева дома выгнали героиню за порог, потому что она